

Суждения А.И. Васильева об ассигнациях в России и его взгляды на них*

Валерий ШИШАНОВ

Заместитель директора по науке Витебского областного краеведческого музея

Различного рода записки и проекты, в которых предлагались пути улучшения финансового положения и денежного обращения в России XVIII–XIX вв., являются ценнейшими документами по истории русских финансов, эволюции экономических взглядов. Многие из них составили базу классических трудов по истории бумажно-денежного обращения в России. Однако массив этих документов используется исследователями далеко не в полной мере.

Деятельность первого министра финансов России Алексея Ивановича Васильева (1742–1807) современники и историки в целом оценивают положительно. Однако известный русский экономист Власий Тимофеевич Судейкин (1857–1918) делает нелицеприятный вывод: «Что же касается до мер экономической и финансовой политики, то при нем (А. Васильеве. – В.Ш.) в этом отношении ничего сколько-нибудь выдающегося сделано не было, за исключением подчинения министру финансов кредитных учреждений (не всех). Для покрытия ежегодных дефицитов брали деньги из казенных банков и выпускали ассигнации, общая сумма которых возросла за период его управления с 210 мил. до 319 мил. руб. ассигнациями. Последний факт служит лучшим доказательством малой его пригодности в качестве министра финансов» [5].

За исключением непродолжительных периодов А.И. Васильев на протяжении своей длительной службы так или иначе был связан с финансовыми учреждениями, а в последние годы жизни занимал высшие руководящие должности финансового ведом-

ства и, следовательно, был осведомлен о состоянии русских финансов.

Записки и доклады А.И. Васильева, сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве и отделе рукописей Российской национальной библиотеки, отражают представления и доводы, которыми он руководствовался, принимая те или иные решения, в частности касавшиеся ассигнаций. Позиция А. Васильева в отношении ассигнаций не отличалась последовательностью.

Как известно, Алексей Иванович с 1781 г. по 1791 г. являлся управляющим Экспедицией для ревизии государственных счетов, и в случае болезни генерал-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского (1727–1793) А. Васильев докладывал императрице о делах государственного казначея. Поэтому закономерно, что, после того как Павел I стал императором, Алексей Иванович 4 декабря 1796 г. получил должность государственного казначея. Однако в ноябре 1800 г. он оказался в опале и был лишен всех должностей.

А. Васильев разделял взгляды Павла I о признании ассигнаций государственным долгом и необходимости постепенного их изъятия, однако развитие событий заставило вернуться к эмиссии бумажных денег.

Непостоянство позиции А.И. Васильева особенно ярко проявилось в деле подготовки ассигнаций нового образца [6; 7]. Задуманная в период опалы Васильева операция, тем не менее, продолжалась в период возвращения его на должность государственного казначея после вступления на престол Александра I и назначения в сентябре 1802 г. министром финансов.

Заслушав доклад А.И. Васильева на заседании 4 апреля 1801 г., Государственный Совет признал: «Предполагаемая перемена ассигнаций может действительно быть полезна <...>» [1, стб. 699–701]. Однако с весны 1803 г. операция начинает тормозиться [6], а в начале 1804 г. появляется записка А.И. Васильева, озаглавленная «Замечания на проект замены банковых ассигнаций новыми» [2, л. 1–4], с обоснованием прекращения всех работ по перемене вида ассигнаций.

Прежде всего, министр финансов называет причины, побудившие приступить к замене ассигнаций: 1) «затруднить покушающихся на поддел их»; 2) «приспособить всех вообще лучше распознавать истинные ассигнации от фальшивых»; 3) «сами ассигнации прочнее сделать нынешних».

* Статья подготовлена на основании доклада, прозвучавшего на Международной конференции «Нумизматика и архитектура», состоявшейся 8–11 октября 2013 г.

Рисунок 1. В.Л. Боровиковский. Портрет графа А.И. Васильева в мальтийском виц-мундире. Около 1800 г. ГРМ

Вкратце остановившись на принятых мерах и ходе реализации «плана», министр задается вопросом: «Основательны ли выгоды в нем предполагаемые, и следует ли произвести в государстве столь общую операцию без важнейшей какой-либо или для правления, или для государства пользы?». И далее по пунктам опровергает ранее, казалось бы, незыблемые доводы.

Новые ассигнации как по составу бумаги, так и по внешнему оформлению «далеки от того совершенства, дабы сделать их всегдашнюю преградою» от подделки, следовательно, и ожидаемая выгода будет временной.

Определение количества ассигнаций, находящихся в обращении, и исключение из их числа «потерянных» является лишь «поверкой», и «существенная банковая польза от того ни мало бы не распростирилась».

Одинаковый размер ассигнаций «первых достоинств» и отсутствие различий по цвету бумаги только затруднит их распознавание в обращении, а безграмотные в первое время «подвержены быть могут обманам и убыткам»: «Ожидать должно, что и вся операция произведет недоверчивость и подозрение. Всякой изыскивать будет причины, побудившие к столь общей перемене, и, не ощущая никаких, даст полную волю своему воображению, от чего, обыкновенно, рождаются разные толки всегда предосудительные государственному кредиту, столь для правления полезному, и который повсеместному нынешнему существованию финансовых оборотов, сделался необходимою и деятельнейшею пружиной государственных сил».

Министр финансов также отмечал, что его ведомство будет стремиться к приведению обращающейся в России монеты в систему, и тогда прилично будет ввести «новые бумажные монетные знаки», при этом образцом для подражания называются английские банковые билеты, «сделанные из самой мягкой бумаги, которая никогда не ломается и к которой подделаться весьма трудно».

До того как это произойдет, А. Васильев не находил никакой «основательной причины к перемене ассигнаций» и считал, что для укрепления их

кредита нужно облегчить обмен ветхих ассигнаций, поспособствовать их распространению по стране, и в частности в сибирских губерниях, где «промен на ассигнации иногда возвышается до пяти процентов».

В заключение министр подчеркнул, что полезнее будет пожертвовать уже «употребленными издержками», чем привести в исполнение операцию «совсем не нужную, а потому для правления и государства предосудительную».

В недатированной записке «Об ассигнациях» А.И. Васильев приводит доводы в пользу использования денежных знаков с представительной стоимостью без привязки к металлу [3].

Прежде всего, А. Васильев останавливается на затруднениях, связанных с использованием монет при крупных расчетах, что приводит к появлению ассигнаций, которые следует отличать от векселя. Вексель имеет «ростовое достоинство», а достоинство ассигнации «меновое», и они являются составной частью денежного обращения, следовательно, нельзя признавать «вообще все» ассигнации государственным долгом: «Кто должник и кто займодавец тех ассигнаций, которые были выпущены правительством, возвращаются опять к нему вместо должной ему подати?».

В то же время использование металла для чеканки монет является «тратой государственного богатства, ибо пущенный в торг он имел бы цену свою в то самое время, как освободил бы денежные обороты от тягости и огромности, толико для них пагубной».

Называя монету «древней ассигнацией», А. Васильев указывает на удобство использования монет для мелких расчетов, и в таком случае неважно, из какого металла они будут чеканиться: «Можно ради большей прочности, да и самой приятности выбить ее из золота, серебра или какой металлической композиции, но толико в маловидном весе, чтобы вещественное достоинство денежным уничтоженное, не имело уже ни какой выгоды переливной».

Далее А. Васильев вообще ставит под сомнение необходимость ассигнацию и монету «основывать на металле», если «достоинство той и другой от онаго не зависит»: «Да и как ему зависеть от него, когда кусок золота, можно, единым начертанем, сделать маловажнее куска бумаги?»; «Надо быть младенцу или полоумному, чтобы дать за империял сторублевую ассигнацию, хотя и можно ее, в рассуждении

Рисунок 2. Ассигнация образца 1802–1803 гг. достоинством 25 руб.

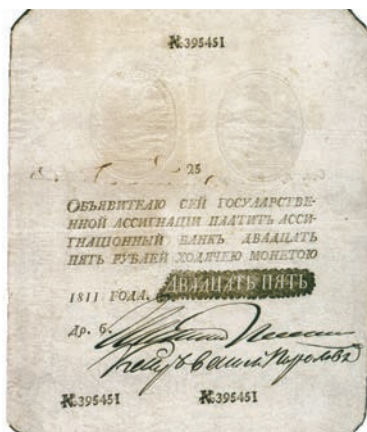

Рисунок 3. Ассигнация образца 1786–1818 гг. достоинством 25 руб.

его, назвать по веществу ничтожной. Впрочем денежное достоинство столь мало зависит от вещественного, что чем менее влечет с собою онаго, тем свободнее и далее простирает ход свой. Чадо разума и доверия, не оно от какого-либо вещества, а от него всякое вещество получает цену свою». Основой такого качества «менных знаков» министр финансов считал возможность «получить всякую потребность, не обременяя себя употреблением самого металла».

Рассуждения А. Васильева близки взглядам представителей номиналистической теории, основанной на выводе об условной природе денег и на абсолютизации их функции как средства обращения, когда деньги играют лишь роль посредника и могут быть заменены неполноценными монетами и бумажными денежными знаками. Это было удобным обоснованием наращивания эмиссии ассигнаций для решения проблемы бюджетного дефицита, что нашло воплощение в положениях доклада к росписи доходов и расходов на 1804 г., составленного 20 ноября 1803 г. [4]. К докладу прилагались: «Краткий предварительный счет о государственных приходах и расходах на 1804 год»; «Способы или средства, чем заменить недостаток в доходах по росписи на 1804 г. оказавшийся и составить сверх того некоторые капиталы на будущее»; «Ведомость о наличном капитале Государственного Ассигнационного банка»; «Ведомость ожидаемых сумм»; «Ведомость о долгах Государственного Ассигнационного банка на государственном казначействе».

Сумма расходов, по докладу А.И. Васильева, составляла 109 892 000 руб. 90,25 коп., доходов – 101 256 790 руб. 77 коп., недостатка – 8 635 210 руб. 13,75 коп. Предполагалось недостающую сумму

восполнить «без какого-либо нового обременения государства или убавки требующихся расходов, и в то же время составить еще некоторые капиталы на будущее время».

Министр финансов подсчитал, что если бы Ассигнационный банк вернул все ранее отпущенные суммы, то в обращении осталось бы только 78 031 900 руб. ассигнаций, что не превосходило 100-миллионной «пропорции», определенной Екатериной II по манифесту 28 июня 1786 г. Сопоставив рост населения, государственных доходов и торгового баланса между 1786 г. и 1803 г., Васильев сделал вывод о том, что «ассигнаций уменьшать не только не нужно, но и вредно». Поэтому бюджетный дефицит предлагалось погасить за счет эмиссии бумажных денег и довести их количество до 250 млн. руб. (с 246 624 665 руб.). Причем А.И. Васильев полагал «все прежние с банком у казначейства расчеты уничтожить, а почитать, до дальнейшего впредь расчета, единственную на государственном казначействе одну недостающую сумму, которую исподволь, на выше предложенном основании, отложить будет можно».

Доклад был утвержден 25 ноября 1803 г. Александром I. Но уже 2 декабря «секретнейшим» указом повелевается министру финансов «по известным обстоятельствам» сверх определенных 250 млн. руб. изготовить ассигнаций еще на 10 млн. и держать их отдельно, «употребляя» по императорским распоряжениям [4, л. 478].

Печатный станок был запущен, и в 1807 г., когда А.И. Васильев скончался от апоплексического удара, в обращении находилось ассигнаций на сумму уже в 382 329 505 руб., и это был далеко не предел.

Однако необходимо отметить, что анализ развития ситуации в денежном обращении России конца XVIII – начала XIX в. при проведении стабилизационных мероприятий 1817–1822 гг. позволил сделать наблюдение, что колебания курса не зависят напрямую от количества бумажных денег и часто определяются общим состоянием торговли страны, положением на внешнем рынке, социокультурными явлениями. Отсюда последовали важные теоретические обобщения, которые в модернизированной форме легли в основу современных представлений о денежном обращении, выражающихся в попытках синтеза современной количественной теории, допускающей систематические изменения скорости обращения денег и реальных доходов аналогично изменениям количества денег, и новых версий теории Кейнса, понижающих значение денег и отдающих предпочтение налоговому и бюджетному регулированию экономики.

Источники:

1. Архив Государственного Совета. В 4 т. – Санкт-Петербург. Тип. Второго отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1869–1888. – Т. 3. Совет в царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). – 1878. – 1276 стб. + L стб.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 484. – Ед. кр. 15.
3. ОР РНБ. – Ф. 484. – Ед. кр. 22.
4. Российский государственный исторический архив. – Ф. 560. – Оп. 38. – Д. 2.
5. С[удейк]ин, В. Васильев Алексей Иванович // Энциклопедический словарь. В 86 т. / Издат.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. – Санкт-Петербург. Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. – Т. Va (10): Вальтер – Венути. – 1892. – С. 607.
6. Шишанов, В.А. О причинах прекращения подготовки выпуска русских ассигнаций образца 1802–1803 годов // *Studia Numismatica Albauthenica*. Vol. I (Вып. 1) / Уклад.: В.М. Сидарович, М.А. Плавински. – Минск: Медысон, 2011. – С. 127–133.
7. Шишанов, В.А. Русские ассигнации образца 1802–1803 гг. – Витебск, 1997. – 16 с.